

81215-РешАК36
А69-115

Михаил Анохин

ЕСЛИ
В ДОМЕ

ТЕРЯЮТСЯ
НОЖНИЦЫ!

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Город Гремящих Трамваев

Это первая книга прозы прокопьевского литератора. Но не первая по счёту. В самом начале были стихи – они вышли отдельной книжкой давным-давно, где-то в 1970-е годы. Автор тогда жил в Бийске и ходил в городской литературный кружок. Тогдашний отбор кандидатов на публикацию был строг и любая книга становилась событием в литературной жизни. Однако бывший бийчанин (а по рождению он наш – из села Калары, что под Таштаголом) Михаил Анохин – личность, больше известная Кузбассу не в качестве литератора. В 1989-90 годах он был одним из вождей забастовочного движения шахтёров, потрясшего страну. Хотя и не шахтёр, по профессии он строитель. А если заглянуть глубже в биографию, то матрос тралового флота, геологический рабочий, да много чего перепробовал.

Но про забастовки. Главным содержанием тех забастовок, если глянуть трезво и беспристрастно из сегодняшнего времени, был бунт против засилья номенклатуры, за правду и справедливость. Однако энергия бунта была перенаправлена в иное русло – номенклатура обернула народную социальную самодеятельность в свою пользу, совершив «капиталистическую революцию» и придя в 1990-х годах к олигархической форме «демократии» и ельцинизму. Приватизация собственности, «обнуление» вкладов в сберегательных кассах, либерализация экономики, раздел страны, невыплата зарплат и пенсий, расстрел политических противников в 1993 году, «рельсовые войны» 1995-98 годов, дефолт и галопирующая инфляция – такое ни одному, даже самому рьяному забастовщику-экстремисту и в голову не могло прийти. Как бы там ни было, а новое время настало. Кто-то из лидеров рабочего движения ушёл

в тень, кто-то занялся профсоюзной деятельностью, кто-то стал штрейкбрехером и его встроили в новую политическую систему. А самых резвых во власть или в право-партийную деятельность. Об уровне социальной справедливости 1989 или 1990 года, которым были недовольны забастовщики, теперь можно рассуждать лишь в жанре социальной фантастики. Нынешний управленец и нынешний работяга, бывший «гегемон», находятся в отношениях белого плантатора и чёрного раба и, по-видимому, надо ждать новых, настоящих, а не «бархатных» бунтов, которые образуют пока ещё непуганого отечественного «работодателя». И, естественно, новых вождей. На этом вульгарно-социологическую часть текста завершаю. А нужна была она, чтобы уяснить – зря Анохина попрекают за 1989 год, путая шахтёрские забастовки с последующим развалом страны. Он страну не разваливал, это точно.

После поражения рабочего движения Михаил Анохин ушёл в философию и литературу. Время от времени выступал в периодической печати – дома и в газете «Край». Выступает и сейчас – в литературном приложении газеты «Кузбасс» «Круг чтения». Ведёт программу «Русское слово» на кабельном канале ТВ Прокопьевска. Написал книгу «Записки забастовщика». Она, к сожалению, не опубликована, а могла бы прояснить многое из недавнего прошлого. И углублённо занимается прозой. В большинстве своём прозаические работы Анохина пока остаются в рукописях. Напечатано лишь несколько рассказов и сокращённый вариант одной из повестей в журнале «Огни Кузбасса». То есть предлагаемая вашему вниманию книга – первое полноценное издание прозы Михаила Анохина.

Должно сказать, что Анохин не стилист в общепринятом смысле слова, не из школы Тургенева или Бунина, он не стремится отделать фразу, отшлифовать её до блеска. Он – мысли-

тель. Если позволите сравнение с великими, то его духовная родня Достоевский и Толстой. Иногда слово Анохина не поспевает за смыслом и возникает некоторое косноязычие. Впрочем, вполне извинительное в свете иных достоинств текста.

Рассказы Анохина многоплановы и сложно организованы. Написанное возможно понимать буквально, но не только. Подумаешь над прочитанным – обнаружишь подтекст. А поразмыслишь – возникнет новый, пожалуй, наиболее интересный смысловой этаж художественного произведения. Замечу тематическое и жанровое разнообразие произведений, включённых в книгу. Тут и классический рассказ (можно, однако, назвать это маленькой повестью) «Билет в Фатерлянд», – упрощённо говоря, о современном Акакии Акакиевиче Башмачкине, тихонько существовавшем в одном из «присутственных мест» и потерпевшем в результате «четвёртой революции» карьерное и человеческое фиаско. «Свет в конце тоннеля», привидевшийся было ему, использовать не успел – человека подмяла под себя грубая жизнь.

Дальше – стилизация под «житийную» литературу. Вещь так и называется – «Житие странника»: о человеке, взыскующем святости, не то бродяге, не то бомже, которого активно отвергает власть, светская и духовная, и не вполне понимает даже ближайший соратник, практически ученик. Блестящий «абсурдистский» рассказ, давший название книге, – «Если в доме теряются ножницы», его в двух словах не охарактеризуешь, следует читать.

А это бытовой детектив с фрейдистским анализом «Прокурорская сага». И мрачная социальная фантастика в духе Джорджа Оруэлла «Ковчег».

И нечто, одновременно напоминающее Платонова и Шукшина, однако содержательно совершенно оригинальное, – «Смерть матери», «Трое». А также «ностальжи» из детства «Васятка», только

без присущей такого рода «средним» произведениям сентиментальности. И просто-таки агностический философский трактат, замаскированный под художественную прозу, – «Как будто».

Не лишены рассказы, повторы, словесных недостатков, есть композиционные огрехи (например, «Прокурорская сага», где явно лишний рассказчик-журналист), но в целом книга ощущается как работа зрелого мастера слова. И добавлю важное. Все рассказы созданы на живом, современном материале. Ситуации, даже самые, на первый взгляд («Ковчег», «Житие странника»), фантастические, абсолютно узнаваемы. Характеристики прописаны, иногда до мельчайших деталей («Кафка из Таштагола»), физиономии персонажей яркие и запоминающиеся. Большинство произведений Анохина помечены конкретным адресом. Это сибирский город Прокопьевск. Его серый снег. Его «тупорылые» трамваи. Его шахты, проглатывающие людей поутру и возвращающие (а зачастую не возвращающие) ввечеру, после основной смены.

Писатель Анохин создаёт (возможно – приспосабливает под себя, под своё видение) личное литературное пространство. Как Гоголь – Петербург, Фолкнер – округ Йокнапатофа, Солоухин – Владимирские просёлки. Только у него это литературное пространство наполнено тревогой и ощущением неблагоприятности: видите ли, если в доме постоянно теряются ножницы, дом накануне беды...

Возвращаясь к началу данной заметки, скажу, что во многом книга Анохина это художественная фиксация разочарований бывшего советского человека, надеявшегося в период «перестройки» и последующих реформ на изменения к лучшему в общественной и приватной жизни. Подчеркну при этом: слёз по прошлому нет. Бывшая власть (а Анохин человек немолодой, помнит смерть Сталина и время правления последующих социалистических начальников), бывший уклад жизни ощу-

щались среднестатистическим гражданином СССР чужими. Но нынешние – ещё чужее.

Осмелюсь назвать Михаила Анохина стопроцентно состоявшимся прозаиком. Жаль, что книги такого уровня встречаются в кузбасской (да и российской) прозе не столь часто, как хочется.

Василий ПОПОК,
член Союза писателей России. Январь 2008 год.